

УДК 327

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-69-81>

Символ детства и конструирование образа «врага номер один» в советском и американском кинематографе холодной войны

О. В. Рябов^{✉1}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Сведения об авторе

Олег Вячеславович Рябов,
SPIN-код: 6502-7446,
Researcher ID: E-2527-2016,
Scopus Author ID: 35096463200,
ORCID: 0000-0002-5944-9668,
e-mail: riabov1@inbox.ru

Для цитирования:

Рябов, О. В.
(2021) Символ детства
и конструирование образа
«врага номер один» в советском
и американском кинематографе
холодной войны. *Комплексные
исследования детства*, т. 3, № 1,
с. 69–81.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-69-81>

Получена 11 января 2021; прошла
рецензирование 18 января 2021;
принята 18 января 2021.

Финансирование: Исследование
выполнено при финансовой
поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ
в рамках научного проекта
№ 20-011-31716.

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье на материале советских и американских кинофильмов периода холодной войны анализируется роль символа детства как ресурса создания образа врага. Актуальность проблемы определяется необходимостью исследования, во-первых, причин и форм политизации символа детства, во-вторых, способов конструирования образа врага и механизмов его деконструкции, в-третьих, кинообразов врага периода холодной войны, которые и сегодня являются фактором российско-американских отношений.

Способность символа детства вызывать сильнейшую эмоциональную реакцию обуславливает постоянный интерес к нему со стороны акторов символической политики. Символ детства — значимый компонент советско-американской конфронтации, который нашел выражение и в кинематографе СССР и США. Автор показывает, что символ ребенка являлся одним из ресурсов создания кинообраза «врага номер один», помогая реализовать его функции: укрепления позитивной коллективной идентичности, мобилизации, легитимации насилия, легитимации власти, предсказания победы.

В отличие от репрезентаций взрослых, даже негативные детские персонажи были представлены в обеих кинематографиях, скорее, как жертвы противоестественной и несправедливой социальной системы «врага номер один». В целом в советских и американских фильмах предписываются одни и те же роли для «своих» детских персонажей, и одни и те же нормы отношения взрослых к детям: как к «своим», так и к «чужим». На материале кинообразов детства можно убедиться, что несмотря на то, что обе сверхдержавы представляли друг друга в качестве антиподов, базовые ценности СССР и США были гораздо ближе друг к другу, чем кажется. Наконец, отношение к детям включалось в попытки своеобразной «регуманизации врага», возвращения противоположной стороне человеческого облика в период разрядки.

Ключевые слова: символ детства, образ врага, холодная война, кинематограф СССР, кинематограф США.

The symbol of the childhood and constructing the image of the “enemy number one” in the Soviet and US Cold War films

O. V. Riabov✉¹

¹ Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

Author

Oleg V. Riabov,
SPIN: [6502-7446](https://orcid.org/0000-0002-5944-9668),
Researcher ID: [E-2527-2016](https://orcid.org/0000-0002-5944-9668),
Scopus Author ID: [35096463200](https://orcid.org/0000-0002-5944-9668),
ORCID: [0000-0002-5944-9668](https://orcid.org/0000-0002-5944-9668),
e-mail: riabov1@inbox.ru

For citation:

Riabov, O. V.
(2021) The symbol of the childhood and constructing the image of the “enemy number one” in the Soviet and US Cold War films.
Comprehensive Child Studies, vol. 3, no. 1, pp. 69–81.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-69-81>

Received 11 January 2021;
reviewed 18 January 2021;
accepted 18 January 2021.

Funding: This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISI), Research Project No. 20-011-31716.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The paper analyses, based on the Soviet and US Cold War films, the role of the childhood symbol as a resource of forming the image of the enemy.

The scientific relevance of the problem stems from the need to study 1) the reasons for and the forms of politicizing the childhood images, 2) the ways of constructing the image of the enemy and the means of deconstructing it, and 3) the cinematic images of the Cold War enemy, since they remain a factor in the contemporary relations between Russia and the United States.

The author points out that the interest that symbolic politics actors show in the childhood symbol is explained by its ability to trigger strong emotional response. The Cold War cinematic representations of childhood served as an efficient tool for constructing the image of an enemy. Such an image had a number of functions: maintaining collective identity, mobilisation, justification of violence, legitimization of power, and predicting the victory.

Unlike adult characters, children’s characters — even the negative ones — were pictured by both Soviet and US filmmakers not as enemies, but rather as victims of the unnatural and unjust social system of the “enemy number one”. In general, the Soviet and US films feature similar roles of “their” (i. e., Soviet and American, respectively) children and similar treatment of children — whether “their” or not — by adult characters. The cinematic images of children convincingly show that, despite the fact that both superpowers presented each other as antipodes, the basic values of the USSR and the US were much closer than it may seem.

Finally, the paper demonstrates that the Cold War cinema employed the childhood symbol for the deconstruction of the image of the “enemy number one” and for rehumanisation of the opponent in the period of the détente.

Keywords: symbol of childhood, image of the enemy, Cold War, Soviet cinema, US cinema.

Введение

Символ детства — один из важнейших в человеческой культуре. Заметное место он занимает в политической сфере; политические акторы активно используют его в различных формах символической политики: легитимации власти, политике макрополитической идентичности, политике локальной идентичности, политике памяти, популярной геополитике (Рябова, Рябов 2019). В настоящей статье мы бы хотели рассмотреть использование символа детства в такой политической практике, как конструирование образа врага. Образ врага — постоянный элемент человеческой истории, но особенно богатый материал для анализа дает эпоха холодной войны. В монографии, вышедшей еще в конце холодной войны, Р. Рибер и Р. Келли отметили: возможно, никогда прежде в исто-

рии одно общество так не ненавидело другое и не боялось его на протяжении столь длительного времени. Особенности современных видов вооружения (в первую очередь ядерного оружия) обусловили то, что врагом, против которого допускалось ведение боевых действий, становилось все гражданское население противника, а не только их армии. Жители СССР и США должны были свыкнуться с мыслью о том, что потенциально они либо соучастники массового убийства, либо жертвы массового убийства, совершенного другой стороной. По сути, ядерное противостояние могло быть «продано» обществу только при условии массового производства образов врага (Rieber, Kelly 1991, 5).

Мы рассмотрим проблему роли символа детства как ресурса конструирования образа «врага номер один» на материале кинематографа холодной войны. В силу специфики холодной

войны (прежде всего, того значения, которое в конфронтации двух блоков имело манипулирование эмоциями, символами, образами, идеями) фильмы СССР и США дают особенно содержательный материал для анализа способов конструирования образа врага (Shaw, Youngblood 2010). Как пишет Т. Шоу, американские фильмы и отражали, и распространяли официальную идеологию холодной войны (Shaw 2007, 303). Очевидно, это не менее справедливо и в отношении советских фильмов.

В настоящей статье мы опираемся на работы исследователей, которые уже обращались к вопросу о том, как детская культура, включая кинематограф, отражает атмосферу холодной войны (Белов, Жидченко 2020; Кубышкин 2019; Окладникова 2020; Рябов 2019b; Рябова, Рябов 2019; Смирнов 2019; Федоров 2017; Юдин 2020; Holt 2014; Kelly 2007; Kevill-Davies 2018; Peacock 2014 и др.). Однако проблема использования символа детства в конструировании образа врага еще не изучалась. Источниковую базу исследования составили художественные и анимационные фильмы СССР и США, вышедшие в период с 1946 по 1991 гг. Исследовательские вопросы могут быть сформулированы следующим образом. Как образ ребенка помогал реализации тех функций, которые образ врага призван выполнять в военной пропаганде? Чем репрезентации «своих» и «чужих» детей отличались от изображения «своих» и «чужих» взрослых? Каковы общие и специфические черты использования кинообразов детства в советских и американских репрезентациях «врага номер один»?

Образ врага: методология

Образ врага на протяжении десятилетий вызывает у исследователей обоснованный интерес, что отразилось в появлении множества публикаций (напр.: Keen 1986; Rieber, Kelly, 1991; Aho 1994; Harle 2000; Гудков 2005; Oppenheimer 2006 и др.). В этих работах показано, что эффективно сконструированный образ врага должен максимально отличаться от образа «своих» и вызывать такие чувства, как ощущение смертельной опасности, отвращение к врагу, готовность его уничтожить, чувство нравственного превосходства над ним, а также смех.

Подобный образ врага создается дискурсивно. Ранее высказываемые идеи о враге как социальном конструкте (напр.: Aho 1994) получили концептуальное обоснование в теории секьюритизации копенгагенской школы международных отношений. Дискурсы опасности

могут создаваться намеренно акторами публичной политики в целях политической мобилизации общества, и конструирование образа врага играет важнейшую роль в секьюритизации той или иной проблемы. Иными словами, безопасность — это не реальное состояние дел, а дискурсивная практика, направленная на модификацию иерархии политических приоритетов (см.: Акопов, Прошина 2011). Интерпретация врага как социального конструкта предполагает анализ различных ресурсов, используемых в его создании, — таких, например, как мифы и репрезентации исторических событий, религиозные представления и эстетические пристрастия, моральные постулаты и вопросы экологии; привлекается и символ детства. Технологии включения этого символа в образ врага могут быть рассмотрены через функции данного образа; среди них выделяют функции укрепления коллективной идентичности, мобилизации, легитимации насилия, легитимации власти, предсказания победы (Рябов 2019a).

Функция укрепления коллективной идентичности

Функция укрепления коллективной идентичности реализуется при помощи репрезентаций врага как максимально отличающегося от «своих» и проведения прочной символической границы между ними. То есть враг должен быть изображен как Иное, во-первых, и худшее, во-вторых. В культуре холодной войны разделение мира между двумя полюсами продуцировало манихейское мироощущение, в котором каждый являлся «врагом номер один» для другого. Ответ на вопрос «Что есть Америка?», таким образом, зависел от репрезентаций Советского Союза; конструкция тотальной инаковости коммунизма одновременно представляла собой создание идеализированного образа самих Соединенных Штатов (Sharp 2000). Аналогичным образом, при помощи картины капиталистического окружения, конструировалась и советская идентичность. Главным «чужим» в годы холодной войны стал американский империализм.

Согласно концепции Ф. Барта, умножение различий между «своими» и «чужими» и укрепление символической границы между ними является важнейшим приемом политики идентичности (Barth 1969). Подобная взаимозависимость репрезентаций отразилась и в образах детства (Peacock 2014, 52), которые играли роль значимого символического пограничника в политике коллективной идентичности обеих сверхдержав.

В СССР лозунг «два мира — два детства» был призван иллюстрировать противоположность двух социально-политических систем и превосходство одной над другой; кинообразы счастливого детства служили визитной карточкой достижений социализма. Репрезентации же детства в США преследовали цель еще раз подчеркнуть пороки, приписываемые американскому образу жизни: эксплуатацию, социальное неравенство, пауперизм, расовую дискриминацию, империализм, культ насилия, эгоизм, враждебные отношения между людьми, духовную нищету.

Наиболее востребованной была тема расизма в американском обществе, жертвами которого становятся не только взрослые, но и дети; она получила отражение, в частности, в мультфильме «Машенькин концерт» (реж. М. Пашенко, 1949), в художественных фильмах «Максимка» (реж. В. Браун, 1952), «Серебристая пыль» (реж. А. Роом, 1953) и др.

Другая популярная тема — социальное неравенство и эксплуатация. Голодные, неграмотные, беспризорные дети — эти образы были знакомы советской аудитории по плакатам и карикатурам; появляются они и в кино. Так, проблеме пауперизма посвящена киноновелла «Игра» из фильма «Монета» (реж. А. Алов, В. Наумов, 1962), в которой отец вынужден учить сына, как украсть бутылку молока, поскольку других способов накормить другого сына, грудного младенца, у него нет — он лишился работы.

Следующая черта американского образа жизни, к которой обращался советский кинематограф, привлекая образы детей, — это культ войны и насилия, порожденный и подкрепляемый империалистической политикой правящих кругов США.¹ Особенно за это, если пользоваться характеристикой К. Чуковского, «растление детей буржуазной культурой» (Чуковский 1949) доставалось Голливуду. М. Калатозов, например, писал: «Перед Голливудом сегодня поставлена задача внушить людям необходимость войны, ожесточить их, превратить в кровожадных зверей... <...> С раннего возраста детям внушают, что американец — это супермен» (Калатозов 1952, 100). В советских кинокартинах созданы примечательные образы юных американцев, подражающих таким суперменам под влиянием детективных романов и фильмов о гангстерах: Ральф Барни из фильма «Попутного ветра, "Синяя птица"!» (реж. М. Ершов, 1967), Джордж Роб-Робсон из фильма «Дорогой мальчик» (реж. А. Стефанович, 1974).

Еще один образ — Джонни Дорсета, героя киноновеллы «Вождь краснокожих» из комедии «Деловые люди» (реж. Л. Гайдай, 1962) (рис. 1) — едва ли воспринимается сегодня в качестве пропагандистского продукта; между тем он выступает классикой советского антиамериканизма, в том числе благодаря наделению его такой

¹ М. Пикок называет склонность к насилию основной характеристикой юных американцев в советской пропаганде (Peacock 2014).

Рис. 1. Кадр из фильма «Деловые люди» (Деловые люди 1962)

чертой, как склонность к насилию. Этот образ примечателен еще и тем, что помогает показать отношения в американской семье под определенным углом. Ребенок не торопится возвращаться к отцу, отец не спешит забирать сына у похитителей. Здесь проявляется важная черта образа американской семьи, создаваемого советской пропагандой, — полное отчуждение поколений, порожденное самой сущностью капиталистической системы. Индивидуализм, забота о собственных интересах — основа американского общества — приглушает родительские чувства. Дети отвечают тем же, воспринимая родителей как чужих, посторонних людей.

В американских фильмах советские дети появляются нечасто, но аудитория могла составить представление о советском детстве по тем фильмам, в которых была показана опасность коммунизма как такового. При создании образа детства в СССР американская пропаганда обращала внимание на такие факторы, как влияние коммунистической идеологии и тоталитарный характер политической системы, а также традиции российской культуры (в частности, в практике пеленания детей видели одну из причин того, что демократические порядки в России не приживаются (Эриксон 1996, 338)). В американском антикоммунизме большевики обвинялись в стремлении разрушить семью еще с 1920-х гг.; утверждалось, что государство фактически отбирает детей у их родителей и отдает на воспитание государству. Коммунисты учат детей предавать своих родителей (May 1988, 95; Реасок 2014, 53); в качестве иллюстрации приводится рассказ о Павлике Морозове (Ketchum, Kirk, Traurig 1955, 178).² Посредством тотальной пропаганды государство делает из детей маленьких роботов (Реасок 2014, 51–60). Дж. Шарп приводит выдержку из статьи в «Ридерс Дайджест» (1985) о 12-летнем мальчике, эмигрировавшем вместе с родителями в США, где он, по оценке американского учителя, превратился из робота в ребенка, который научился смеяться (Sharp 2000, 132–133). Исследовательница подчеркивает, что улыбка выступала важным диакритиком, позволяющим отличать представителей свободного мира от роботоподобных обитателей «империи Зла» (Sharp 2000, 117–119). Наконец, важный элемент антисоветского дискурса — положение о цивилизационной отсталости коммунистической России — дополнял образ советского детства быта;

² В британской экранизации антиутопии Дж. Оруэлла «1984» (реж. М. Андерсон, 1956) на примере образа юной Селины Парсонс показано, как тоталитарное государство учит детей доносить на родителей.

в фильмах показывалась нищета основной части населения, ужасные жилищные условия, грязь.

Функция мобилизации

Функция мобилизации требует создания образа смертельной опасности для каждого члена сообщества; поэтому враг должен быть страшным. В анализируемых кинофильмах враг угрожает самым уязвимым членам сообщества — детям; они становятся жертвами насилия: как духовного, так и физического.

В кино СССР показано, как мишенью становятся сердца и умы юных граждан Страны Советов. Кинообразы стияг были призваны проиллюстрировать тезис о том, что влияние американской массовой культуры может быть только негативным; оно приводит к различным социальным девиациям: от циничного отношения к одноклассникам и предательства товарищей до уголовных преступлений и измены Родине — в таких фильмах, как, например, «Аттестат зрелости» (реж. Т. Лукашевич, 1954), «Дело “пестрых”» (реж. Н. Досталь, 1958), «Сверстницы» (реж. В. Ордынский, 1959).

Компания подростков из «Аквалангов на дне» (реж. Е. Шерстобитов, 1965), отличительными визуальными маркерами которых являются ковбойские шляпы, а жаргон выдает близость к стиягам, становится пособниками иностранных шпионов. «Граждане ковбои», — так иронично называют их в фильме.³

Еще одним примером репрезентаций опасности, которую несет массовая культура США, является сцена из фильма «Иностранка» (реж. А. Серый, К. Жук, 1965), когда юная француженка Мадлен, стремясь провести наилучшее впечатление на советских детей, поет американский шлягер и танцует твист: реакция аудитории, однако, предсказуемо негативная.

Дети подвергаются и физическому насилию со стороны американцев и их подручных: их бьют («Сокровища пылающих скал»; реж. Е. Шерстобитов, 1969), угрожают убийством («Юнга со шхуны Колумб»; реж. Е. Шерстобитов, 1963) и даже убивают («Черная чайка»; реж. Г. Колтунов, 1962).

Наконец, образ ребенка был неотъемлемой частью дискурса «борьбы за мир», которая в послевоенном СССР стала своеобразной визитной карточкой его внешней политики и краеугольным камнем коллективной идентич-

³ В одноименной повести, которую издал сразу после выхода фильма его режиссер, характеристика этих подростков как ковбоев встречается многократно (Шерстобитов 1965).

ности, что вполне объяснимо, принимая во внимание потери страны во время Великой Отечественной войны. Термин «поджигатели войны», появившийся в политическом лексиконе СССР еще в 1930-х гг., служил одним из важнейших маркеров «врага номер один». При разоблачении «поджигателей» использовали и образы детей как самых беззащитных и безобидных жителей планеты Земля. Так, забота о том, чтобы советские дети никогда не знали ужасов войны, — центральная тема фильма «У них есть Родина». Мать одного из героев фильма, Саши Бутузова, говорит: «Матери всего мира, я обращаюсь к вам, и пусть услышат мой голос все честные люди на земле... Мы воспитываем наших детей не для войны, а для мирного труда ради счастья всего человечества. Боритесь за мир!» Образ ребенка активно привлекался в визуальную пропаганду «борьбы за мир» — как, например, на афише документального фильма «Мы за мир» (1951), посвященного Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

При помощи образов детей эскалировали угрозу миру, которая исходит от «врага номер один», и персонажи голливудской кинопродукции. Например, героиня фильма «Красная планета Марс» (реж. Г. Хорнер, 1952) Линда Кронин говорит, считая, что коммунизм уничтожен: «У меня двое детей... Я лишь одна из миллионов женщин, которые уверены, что теперь их дети в безопасности».

Коммунизм как болезнь — заметная метафора американского дискурса холодной войны (Sharp 2000, 98–100; Hendershot 2001, 13), и наибольшую опасность эта болезнь представляет для неокрепших душ детей. Поэтому в США очень серьезно относились к тому, как защитить школьников и студентов от влияния коммунистической идеологии, что нашло отражение и в кино. Было снято несколько картин о том, как коммунисты осуществляют инфильтрацию в американское образование. Скажем, в фильме «Я был коммунистом для ФБР» (реж. Г. Дуглас, 1951) показано, что именно по этой причине «красные» особенно заинтересованы в привлечении в свою организацию школьных учителей. Что может произойти, если американские дети попадут под влияние коммунистической пропаганды, продемонстрировано в фильме «Красный кошмар» (реж. Дж. Вагнер, 1962): семья разрушается, дети обвиняют отца в том, что он недостаточно воспитывал в них коллективизм, и обещают пожаловаться на него властям. Обратим внимание на то, как при этом меняется эмоциональный мир детей: из улыбчивых

и жизнерадостных они превращаются в бесстрастных роботов.

Крайней формой репрезентаций «врага номер один» как угрозы являются образы коммунистов-детоубийц. Наиболее выразительным примером выступает фильм «Красный рассвет» (реж. Дж. Милиус, 1984), в котором группа американских школьников сражается с советскими и кубинскими войсками, осуществляющими полномасштабное вторжение на территорию США. Действие фильма начинается со сцен высадки советского десанта в районе Скалистых гор и обстрела школы. Заслуживает внимания использование аналогичного приема и в кинокартине «Рэмбо III» (реж. П. Макдональд, 1988). Для того чтобы убедить Джона Рэмбо воевать на стороне моджахедов против СССР, представители ЦРУ показывают ему фотографии, на которых, по их словам, изображены афганские дети — жертвы советской агрессии. Когда же Рэмбо прибывает в Афганистан, местные жители демонстрируют ему т. н. мины-игрушки, сделанные в форме матрешек, которые, как они утверждают, советские летчики разбрасывают для того, чтобы убить и покалечить как можно больше юных афганцев.

Функция легитимации насилия

Подобные сюжеты, помимо ощущения опасности, порождали и чувство морального негодования. Тем самым реализуется функция легитимации насилия, которая предполагает изображение врага таким образом, чтобы оправдать негативные чувства к нему или даже уничтожение его: взрослые мужчины, убивающие детей, не заслуживают снисхождения.⁴ Неудивительно, что в советских и американских фильмах антагонисты, поднимающие руку на ребенка, несут справедливое наказание.

Образ детоубийцы связан с практиками дегуманизации — то есть полного или частичного отрицания человечности врага, — которая является распространенным приемом военной пропаганды. В модели дегуманизации Н. Хэслема отмечаются две ее формы: анималистская (animalistic) и механицистская (mechanistic), то есть уподобление представителей аутгруппы либо животным, либо машинам. Наделение об-

⁴ Приведем цитату из статьи в «Комсомольской правде» (1965), гневно осуждающей политику США во Вьетнаме: «Мать и дитя, извечный образ добра и красоты. За что они убили ребенка этой вьетнамской женщины? Ответ ей, Америка! Нет преступника страшнее, чем детоубийца. Нет гнуснее насильника, чем тот, кто поднял руку на женщину-мать» (цит. по: Вепрева, Уонг Минь Туан 2020, 358–359).

раза «чужих» такими чертами, как нецивилизованность, отсутствие морали, нехватка интеллектуальных способностей и образования, грубость, неспособность к самоконтролю, свойственно анималистской форме. Механицистская форма дегуманизации включает в себя лишение представителей аутгруппы таких характеристик, как воля, субъектность, индивидуальность, эмоциональность, теплота в межличностных отношениях, сострадание, гибкость мышления (Haslam 2006, 255–257). Соответственно, в анализируемых фильмах репрезентации насилия над ребенком выступают средством уподобления врага бесчувственной машине или дикому зверю.

Функция легитимации власти

«Свои», напротив, демонстрируют великодушное отношение к детям врага; но главная их роль состоит в том, что они являются надежными защитниками юных членов собственного сообщества. Показательно, что в роли защитников часто изображаются представители правоохранительных органов, спецслужб, вооруженных сил.

Так, в «Юнге со шхуны “Колумб”» показано, как контр-адмирал ВМФ СССР во время проведения важной операции по защите морских рубежей нашей Родины беспокоится еще и о том, удалось ли найти унесенных в открытое море советских детей. В «Красной планете Марс» адмирал Кэйри опекает сыновей супружеской пары американских ученых, отдавших жизнь в борьбе с коммунизмом.

Тем самым, подчеркнем, кинофильмы вносят вклад в легитимацию власти и социально-политического порядка. Власть и ее представители — самая надежная защита детей.

Легитимация власти предполагает оправдание проводимой ею внешней политики. Особого внимания заслуживает роль образа врага-детоубийцы в легитимации вмешательства во внутренние дела других государств: картины страданий детей используются в качестве оправдания гуманитарных интервенций. В кинотекст фильма «Зеленые береты» (реж. Дж. Вэйн, Р. Келлогг, М. Лерой, 1968), посвященного войне во Вьетнаме, введен образ вьетнамского мальчика, родителей которого убили «красные». Полковник Майк Кирби, роль которого исполняет Дж. Вэйн, берет мальчика под свое покровительство, выступая символом защиты. Очевидно, этот образ должен был помочь зрителю найти ответ на вопрос, что же делают американские войска в Юго-Восточной Азии —

сдерживают коммунизм, защищая не только свободу других стран, но и детей в этих странах.

Реализация данной функции связана с репрезентациями политической оппозиции как внутренних врагов и пособников врагов внешних. Внешний враг конструируется в том числе для внутривнутриполитической борьбы; при этом репрезентации внешних и внутренних «чужих» взаимосвязаны и взаимообусловлены. Показательно, что отмеченные черты внешнего врага, создаваемые при помощи символа детства, можно обнаружить и в репрезентациях внутренних «чужих».

Функция предсказания победы

Репрезентации врага как воюющего со слабыми, женщинами и детьми, позволяли представить его как лишённого не только благородства и милосердия, но также силы и храбрости. Функция предсказания победы предполагает обоснование собственного военного и морального превосходства и изображение врага слабым и уязвимым. Символическая демаскулинизация врага, как показал Дж. Голдстейн, является одной из востребованных практик военной пропаганды (Goldstein 2001). Обратим внимание на то, что она достигается в том числе при помощи сюжетов, в которых «свои» дети оказывались сильнее «чужих» взрослых. Кроме того, демонстрация готовности всех представителей сообщества «своих», включая детей, встать на борьбу призвана показать неизбежность поражения врага.

Поэтому, помимо кинообразов ребенка-жертвы, были востребованы и кинообразы ребенка-героя. В исследуемых кинофильмах дети одерживают победу благодаря моральным качествам, преданности своей стране, товариществу, смекалке, а нередко и военным навыкам. Наиболее яркий пример такого участия несовершеннолетних в боевых действиях холодной войны — американский фильм «Красный рассвет». Однако и советский кинематограф привлекал образы детей, участвующих в советско-американской конфронтации; чаще всего это были сюжеты, в которых дети помогали пограничникам обезвредить шпионов — как, например, в «Аквалангах на дне» (рис. 2). Значение имели и образы детей, которые демонстрировали верность тем идеалам, во имя которых шли сражения холодной войны; так, в фильме «Я был коммунистом для ФБР» школьник отказывается от общения с отцом, полагая, что тот является «красным».

Рис. 2. Кадр из фильма «Акваланги на дне» (Акваланги на дне 1965)

Символ детства и деконструкция образа врага

Наконец, необходимо отметить еще один аспект использования символа детства в создании образов «своих» и «чужих» — отношение к детям включалось в попытки своеобразной «регуманизации врага», возвращения противоположной стороне человеческого облика. Одним из наиболее известных случаев такой регуманизации в истории холодной войны является, наверное, песня Стинга «Русские» (1985), в которой высказывалась убежденность в том, что «русские тоже любят своих детей», что давало надежду на то, что атомной войны можно избежать.

Что касается кинематографа, то внимания заслуживает прежде всего фильм «Русские идут! Русские идут!» (реж. Н. Джуисон, 1966), который знаменовал собой начало разрядки в кинематографической холодной войне. По сюжету советская подлодка «Спрут» случайно подошла к острову у северо-восточного побережья США настолько близко, что села на мель. Часть экипажа отправилась на американскую территорию, чтобы найти буксир и снять подлодку с мели до того, как ее заметят американские военные. Хотя дело едва не дошло до вооруженного столкновения между моряками и жителями острова, все заканчивается благополучно, между ними устанавливаются теплые отношения, и «Спрут» уходит в море.

Режиссер включил в этот фильм несколько эпизодов, в которых акцентируется отношение советских моряков к детям — причем, подчеркнем, американским. Один из них происходит в финале картины. Капитан подлодки, подозревая жителей острова в том, что те захватили

его товарищей в плен, угрожает открыть огонь. Островитяне готовы начать ответную стрельбу. В этот момент американский мальчик, забравшийся на колокольню церкви, чтобы лучше видеть происходящее, сорвался, покатился по крыше и повис на коньке, каждую секунду рискуя упасть и разбиться. На помощь ребенку бросаются и советские моряки, и местные жители. То есть именно спонтанная, продиктованная не идеологией или трезвым расчетом, но самой человеческой природой, реакция на смертельную опасность, которая грозит ребенку, сближает советских и американских персонажей и помогает разрешить все недоразумения.

Как написала газета «Нью-Йорк Таймс», фильм вскрывает «фундаментальный факт, что, в конце концов, русские и американцы — люди, и потому их базовые качества одинаковы» (цит. по: Starck 2016, 176).

Заключение

Подведем итоги. Образ детства — значимый компонент советско-американской конфронтации, который нашел выражение и в кинематографе обеих стран. Способность символа детства вызывать сильнейшую эмоциональную реакцию обуславливает постоянный интерес к нему со стороны акторов символической политики.

Символ ребенка являлся одним из ресурсов создания кинообраза врага холодной войны, помогая реализовать его функции: укрепления позитивной коллективной идентичности, мобилизации, легитимации насилия, легитимации власти, предсказания победы.

Специфика холодной войны, в которой эмоции, представления, идеи, убеждения играли не менее значимую роль, чем состояние экономи-

ки или уровень боеспособности вооруженных сил, требовала вовлечения в противостояние двух блоков всего общества. Этим объясняется то обстоятельство, что среди кинообразов «воинов холодной войны», защищающих ценности советского или американского образов жизни, мы видим образы не только взрослых, но и детей.

Конструирование образа «врага номер один» предполагало создание картины тотальной инаковости; в данный образ были включены не только мужчины, но также женщины и дети противоположающейся стороны. Образы девиантности детства державы-антагониста были призваны свидетельствовать о девиантности ее социальной системы в целом.

Вместе с тем в силу тех значений, которые содержатся в символе детства, даже негативные детские персонажи были представлены в обеих кинематографиях скорее как жертвы противоположающейся и несправедливой социальной системы «врага номер один». Дети «врага» — это прежде всего дети. На материале кинообразов детства можно убедиться, что в советских фильмах «своим» приписывали те же добродетели, а «чужим» — те же пороки, что и в американских. Несмотря на то, что обе сверхдержавы представляли друг друга в качестве антиподов, базовые ценности СССР и США были гораздо ближе друг к другу, чем кажется. Это была не война двух миров, а, скорее, борьба в рамках

одной цивилизации и одного цивилизационного кода.

Что же касается различий, то обращает на себя внимание обилие положительных образов американских детей в советском кинематографе. Следует заметить, что сами по себе позитивные образы американцев в советской пропаганде не редкость. Важнейшим приемом изображения США было привлечение идеи «двух Америк»: «реакционной» и «прогрессивной». Обязательным компонентом фильмов о США было присутствие в них не только «плохих» американцев, но и «хороших». В число первых входили политики, «военщина», капиталисты, продажные журналисты, деятели церкви, ку-клукс-клановцы, в число вторых — коммунисты, борцы за мир, представители рабочего класса, афроамериканцы (Рябов 2012). При этом можно говорить о некоей «символической советизации» «хороших американцев»: по своим качествам и поступкам они были похожи на советских положительных героев (например, образ чернокожего американца Сэнди Робинсона из мультфильма «Полет на Луну» (реж. В. Брумберг, З. Брумберг, 1953)).

Сложнее объяснить те образы юных американцев, которые наделены позитивными чертами, но при этом по своим социальным характеристикам не принадлежат к «прогрессивной Америке» и отличаются от советских ровесников чертами характера. Так, Дэви Энсли

Рис. 3. Кадр из фильма «Последний дюйм» (Последний дюйм 1959)

из «Последнего дюйма» похож скорее на героев американских фильмов, культивирующих индивидуализм, чем на советских школьников-коллективистов; он справляется со сложной ситуацией в одиночку, спасая жизнь отцу (рис. 3). Образ Ральфа Барни из фильма «Попутного ветра, “Синяя птица”!» немного карикатурен — юный американец смешон в пренебрежительном отношении к девчонкам, его сознание отравлено шпионами, гангстерами и прочей голливудской чепухой; однако он оказывается надежным товарищем и настоящим героем, вступая в схватку с вооруженным наркодилером. И уж совсем

необъясним в логике холодной войны образ главного героя «Дорогого мальчика». Джордж Роб-Робсон — сын миллионера, наследник владельца фирмы по производству собачьих консервов, вполне типичен для американца с его культом насилия. Однако он становится настоящим другом для Жоры Тимохина, сына советского дипломата, вместе с которым он одерживает победу над похитившими их гангстерами.

Возможно, в этих образах юных американцев была выражена надежда на то, что в будущем отношения между народами станут лучше?

Источники

- Акваланги на дне.* (1965) Режиссер Евгений Шерстобитов. [Фильм]. СССР: Киностудия им. А. Довженко.
Деловые люди. (1962) Режиссер Леонид Гайдай. [Фильм]. СССР: Мосфильм.
Последний дюйм. (1959) Режиссеры Никита Курихин, Теодор Вульфович. [Фильм]. СССР: Ленфильм.

Литература

- Акопов, С. В., Прошина, Е. М. (2011) «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далеких местных». *Власть*, № 1, с. 89–92.
- Белов, С. И., Жидченко, А. В. (2020) Образ фантомной угрозы для детей со стороны США в советском историческом кинематографе периода холодной войны. *Журнал политических исследований*, т. 4, № 1, с. 25–37. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-25-37>
- Вепрева, И. Т., Уонг Минь Туан. (2020) Стратегия позитивной медиатизации войны во Вьетнаме (по материалам «Правды» и «Комсомольской правды» 1965 г.). *Коммуникативные исследования*, т. 7, № 2, с. 351–364.
- Гудков, А. Д. (2005) Идеология врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. В кн.: Н. Конрадова (ред.). *Образ врага*. М.: ОГИ, с. 7–79.
- Калатозов, М. (1952) Правда советского киноискусства в борьбе за мир. *Искусство кино*, № 1, с. 98–102.
- Кубышкин, А. И. (2019) Сакральные жертвы Холодной войны: дети как субъект / объект идеологической конфронтации и политической пропаганды. В кн.: Т. Б. Рябова, О. В. Рябов (ред.). *Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 21–23.
- Окладникова, Е. А. (2020) Образ детства в политической рекламе в советской и современной России. *Комплексные исследования детства*, т. 2, № 1, с. 46–50. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-1-46-50>
- Рябов, О. В. (2012) «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе Холодной войны (1946–1963). *Женщина в российском обществе*, № 4 (65), с. 44–57.
- Рябов, О. В. (2019а) Женщины нацистской Германии в зеркале советской карикатуры (на материале журнала «Крокодил»). *Уральский исторический вестник*, № 3 (64), с. 84–92. [https://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-84-92](https://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-84-92)
- Рябов, О. В. (2019б) Символ детства как ресурс создания образа врага (на материале кинематографа Холодной войны). В кн.: Т. Б. Рябова, О. В. Рябов (ред.). *Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 30–33.
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2019) Образы детства и детей в символической политике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 15, № 3, с. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>
- Смирнов, Д. Г. (2019) Детская метафора в кинематографе холодной войны: когнитивно-семиотический дискурс. *Комплексные исследования детства*, т. 1, № 4, с. 301–311. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-301-311>
- Федоров, А. В. (2017) *Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей*. М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 389 с.
- Чуковский, К. И. (1949) Растление американских детей. *Литературная газета*, № 83, с. 4.
- Шерстобитов, Е. Ф. (1965) *Акваланги на дне: Приключенческая повесть*. М.: Молодая гвардия, 191 с.
- Эрикссон, Э. (1996) *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, 344 с.
- Юдин, К. А. (2020) Контроль над детством по-американски: семейный кинематограф США в период «холодной войны». *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, № 2, с. 68–80.

- Aho, J. A. (1994) *This thing of darkness: A sociology of the enemy*. Seattle: University of Washington Press, 224 p.
- Barth, F. (1969) Introduction. In: F. Barth (ed.). *Ethnic groups and boundaries: The social organisation of culture difference*. Bergen: Universitets Forlaget Publ., pp. 9–38.
- Goldstein, J. S. (2001) *War and gender: How gender shapes the war system and vice versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 496 p.
- Harle, V. (2000) *The Enemy with a thousand faces: The tradition of the other in western political thought and history*. Westport: Praeger Publ., 218 p.
- Haslam, N. (2006) Dehumanization: An integrative review. *Personality and Social Psychology Review*, vol. 10, no. 3, pp. 252–264. https://www.doi.org/10.1207/s15327957pspr1003_4
- Hendershot, C. (2001) *I was a Cold War monster: Horror films, eroticism, and the Cold War imagination*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 162 p.
- Holt, M. I. (2014) *Cold War kids: Politics and childhood in postwar America, 1945–1960*. Lawrence: University Press of Kansas, 214 p.
- Keen, S. (1986) *Faces of the enemy: Reflections of the hostile imagination*. San Francisco: Harper & Row Publ., 199 p.
- Kelly, C. (2007) *Children's world: Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven; London: Yale University Press, 714 p.
- Ketchum, R. M., Kirk, G., Traurig, R. (1955) *What is Communism?* New York: E. P. Dutton Publ., 192 p.
- Kevill-Davies, H. (2018) Children crusading against Communism: Mobilizing boys as citizen soldiers in the early Cold War state. *Rhetoric and Public Affairs*, vol. 21, no. 2, pp. 235–278. <https://doi.org/10.14321/rhetpublaffa.21.2.0235>
- May, E. T. (1988) *Homeward bound: American families in the Cold War Era*. New York: Basic Books Publ., 284 p.
- Oppenheimer, L. (2006) The development of enemy images: A theoretical contribution. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, vol. 12, no. 3, pp. 269–292. https://doi.org/10.1207/s15327949pac1203_4
- Peacock, M. (2014) *Innocent weapons: The Soviet and American politics of childhood in the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 286 p.
- Rieber, R. W., Kelly, R. J. (1991) Substance and shadow: Images of the enemy. In: R. W. Rieber (ed.). *Psychology of war and peace: The image of the enemy*. Boston: Springer Publ., pp. 3–39. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0747-9_1
- Sharp, J. P. (2000) *Condensing the Cold War. Reader's digest and American identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 207 p.
- Shaw, T. (2007) *Hollywood's Cold War*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 336 p.
- Shaw, T., Youngblood, D. J. (2010) *Cinematic Cold War: The American and Soviet struggle for hearts and minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 301 p.
- Starck, K. (2016) *Of treason, God and testicles: Political masculinities in British and American films of the early Cold War*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 231 p.

Sources

- Akvalangi na dne [Scubas on the seabed]*. (1965) Directed by Evgeniy Sherstobitov. [Film]. USSR: Dovzhenko Film Studios.
- Delovye lyudi [Businessmen]*. (1962) Directed by Leonid Gaidai. [Film]. USSR: Mosfil'm.
- Poslednij dyujm [Last inch]*. (1959) Directed by Nikita Kurikhin and Theodor Vulfovich. [Film]. USSR: Lenfil'm.

References

- Aho, J. A. (1994) *This thing of darkness: A sociology of the enemy*. Seattle: University of Washington Press, 224 p. (In English)
- Akopov, S. V., Proshina, E. V. (2011) “Neokonchennoe prikluchenie” obraza vruga: ot teorii sek'yuritizatsii do kontseptsii “dalekikh mestnykh” [The unfinished adventure of the image of the enemy: From the theory of securitization to the concept of “far-away locals”]. *Vlast' — The Authority*, no. 1, pp. 89–92. (In Russian)
- Barth, F. (1969) Introduction. In: F. Barth (ed.). *Ethnic groups and boundaries: The social organisation of culture difference*. Bergen: Universitets Forlaget Publ., pp. 9–38. (In English)
- Belov, S. I., Zhidchenko, S. I. (2020) Obraz fantomnoj ugrozy dlya detei so storony SShA v sovetskom istoricheskom kinematografe perioda kholodnoi vojny [The image of the phantom threat to children by the United States in Soviet historical cinema of the Cold War period]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij — Journal of Political Research*, vol. 4, no. 1, pp. 25–37. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-25-37> (In Russian)
- Chukovsky, K. I. (1949) Rastlenie amerikanskikh detej [Destroying American children]. *Literaturnaya gazeta*, no. 83, p. 4. (In Russian)
- Erikson, E. (1996) *Identity: Youth and crisis*. Moscow: Progress Publ., 344 p. (In Russian)
- Fedorov, A. V. (2017) *Otrazheniya: Zapad o Rossii / Rossiya o Zapade. Kinoobrazy stran i liudej [Reflections: The West about Russia / Russia about the West. Film images of people and countries]*. Moscow: ICO Information for All, 389 p. (In Russian)

- Goldstein, J. S. (2001) *War and gender: How gender shapes the war system and vice versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 496 p. (In English)
- Gudkov, L. D. (2005) Ideologema vruga. "Vragi" kak massovyy sindrom i mekhanizm sotsiokultur'noj integratsii [Ideologeme of the "enemy": "Enemies" as a mass syndrome and a mechanism of sociocultural integration]. In: N. Konradova (ed.). *Obraz vruga [Enemy image]*. Moscow: OGI Publ., pp. 7–79. (In Russian)
- Harle, V. (2000) *The Enemy with a thousand faces: The tradition of the other in western political thought and history*. Westport: Praeger Publ., 218 p. (In English)
- Haslam, N. (2006) Dehumanization: An integrative review. *Personality and Social Psychology Review*, vol. 10, no. 3, pp. 252–264. https://www.doi.org/10.1207/s15327957pspr1003_4 (In English)
- Hendershot, C. (2001) *I was a Cold War monster: Horror films, eroticism, and the Cold War imagination*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 162 p. (In English)
- Holt, M. I. (2014) *Cold War kids: Politics and childhood in postwar America, 1945–1960*. Lawrence: University Press of Kansas, 214 p. (In English)
- Kalatozov, M. (1952) Pravda sovetskogo kinoiskusstva v bor'be za mir [Truth of Soviet cinema in the struggle for peace]. *Iskusstvo kino*, no. 1, pp. 98–102. (In Russian)
- Keen, S. (1986) *Faces of the enemy: Reflections of the hostile imagination*. San Francisco: Harper & Row Publ., 199 p. (In English)
- Kelly, C. (2007) *Children's world: Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven; London: Yale University Press, 714 p. (In English)
- Ketchum, R. M., Kirk, G., Traurig, R. (1955) *What is Communism?* New York: E. P. Dutton Publ., 192 p. (In English)
- Kevill-Davies, H. (2018) Children crusading against Communism: Mobilizing boys as citizen soldiers in the early Cold War state. *Rhetoric and Public Affairs*, vol. 21, no. 2, pp. 235–278. <https://doi.org/10.14321/rhetpublaffa.21.2.0235> (In English)
- Kubyshevskiy, A. I. (2019) Sakral'nye zhertvy Kholodnoy vojny: deti kak sub'ekt / ob'ekt ideologicheskoy konfrontatsii i politicheskoy propagandy [The Cold war sacral victims: The children as the subject / object of the confrontation in ideology and in political propaganda]. In: T. B. Ryabova, O. V. Ryabov (eds.). *Simvol detstva v politike: ot kholodnoy vojny k sovremennosti. Tezisy nauchnoy konferentsii [Childhood symbol in politics: From the Cold War to the present. Scientific conference abstracts]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 21–23. (In Russian)
- May, E. T. (1988) *Homeward bound: American families in the Cold War Era*. New York: Basic Books Publ., 284 p. (In English)
- Okladnikova, E. A. (2020) Obraz detstva v politicheskoy reklame v sovetskoj i sovremennoj Rossii [The image of childhood in political advertising in Soviet and modern Russia]. *Kompleksnyye issledovaniya detstva — Comprehensive Child Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 46–50. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-1-46-50> (In Russian)
- Oppenheimer, L. (2006) The development of enemy images: A theoretical contribution. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, vol. 12, no. 3, pp. 269–292. https://doi.org/10.1207/s15327949pac1203_4 (In English)
- Peacock, M. (2014) *Innocent weapons: The Soviet and American politics of childhood in the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 286 p. (In English)
- Riabov, O. V. (2012) "Mister Dzhon Lankaster Pek": amerikanskaya maskulinnost' v sovetskom kinematografe Kholodnoy vojny (1946–1963) ["Mr. John Lancaster Peck": American masculinity in Soviet Cold War cinema (1946–1963)]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 4 (65), pp. 44–57. (In Russian)
- Riabov, O. V. (2019a) Zhenshchiny natsistskoj Germanii v zerkale sovetskoj karikatury (na materiale zhurnala "Krokodil") [Women of Nazi Germany in the mirror of the Soviet caricatures (on the materials of the "Crocodile" magazine)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik — Ural Historical Journal*, no. 3 (64), pp. 84–92. [https://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-84-92](https://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-84-92) (In Russian)
- Riabov, O. V. (2019b) Simvol detstva kak resurs sozdaniya obraza vruga (na materiale kinematografa Kholodnoy vojny) [The symbol of childhood as a resource of constructing the image of the enemy (on the materials of the Cold War cinema)]. In: T. B. Ryabova, O. V. Ryabov (eds.). *Simvol detstva v politike: ot kholodnoy vojny k sovremennosti. Tezisy nauchnoy konferentsii [Childhood symbol in politics: From the Cold War to the present. Scientific conference abstracts]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 30–33. (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2019) Obrazy detstva i detej v simvolicheskoy politike [The images of childhood and children in the symbolic politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS — Political Expertise: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307> (In Russian)
- Rieber, R. W., Kelly, R. J. (1991) Substance and shadow: Images of the enemy. In: R. W. Rieber (ed.). *Psychology of war and peace: The image of the enemy*. Boston: Springer Publ., pp. 3–39. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0747-9_1 (In English)
- Sharp, J. P. (2000) *Condensing the Cold War. Reader's digest and American identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 207 p. (In English)
- Shaw, T. (2007) *Hollywood's Cold War*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 336 p. (In English)

- Shaw, T., Youngblood, D. J. (2010) *Cinematic Cold War: The American and Soviet struggle for hearts and minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 301 p. (In English)
- Sherstobitov, E. F. (1965) *Akvalangi na dne: Priklyuchencheskaya povest' [Scubas on the seabed: An adventure story]*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 191 p. (In Russian)
- Smirnov, D. G. (2019) Detskaya metafora v kinematografe kholodnoj vojny: kognitivno-semioticheskij diskurs [Childhood metaphors in Cold War cinematography: Cognitive-semiotic discourse]. *Kompleksnye issledovaniya detstva — Comprehensive Child Studies*, vol. 1, no. 4, pp. 301–311. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-301-311> (In Russian)
- Starck, K. (2016) *Of treason, God and testicles: Political masculinities in British and American films of the early Cold War*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 231 p. (In English)
- Vepreva, I. T., Uong Minh Tuan. (2020) Strategiya pozitivnoj mediatizatsii vojny vo V'etname (po materialam "Pravdy" i "Komsomol'skoj pravdy" 1965 g.) [Strategy of positive mediatization of war in Vietnam (based on newspapers "Pravda" and "Komsomol'skaya Pravda", 1965)]. *Kommunikativnye issledovaniya — Communication Studies*, vol. 7, no. 2, pp. 351–364. (In Russian)
- Yudin, K. A. (2020) Kontrol' nad detstvom po-amerikanski: semejnij kinematograf SShA v period "kholodnoj vojny" [Control of childhood in the American family cinema during the "Cold War"]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki — Ivanovo State University Bulletin. Series The Humanities*, no. 2, pp. 68–80. (In Russian)